

Д. А. Ольдерогге

**ГОТТЛОБ КРАУЗЕ —
ВЫДАЮЩИЙСЯ НЕМЕЦКИЙ УЧЕНЫЙ-АФРИКАНИСТ
(1850—1938 гг.)¹**

В истории изучения языков народов Африки имя Готтлоба Адольфа Краузе теперь почти неизвестно. Между тем это был замечательный ученый-лингвист, знаток языков Западного Судана, отважный путешественник, прошедший один, без денег и слуг, пешком несколько тысяч километров от Аккры на Гвинейском побережье почти до Томбукту. Жизни и деятельности Краузе посвящена изданная в ГДР книга Зебальда. В ней описана трагическая судьба немецкого ученого, имевшего смелость поднять свой голос в защиту народов Африки в годы, когда начинался колониальный раздел материка и вся шовинистически настроенная пресса Германии приветствовала колониальные устремления империализма, а большая часть немецких исследователей Африки всемерно поддерживала эту агрессивную политику.

Краузе отказался содействовать колониальным захватам, подвергся преследованиям, был отовсюду изгнан и впоследствии забыт. Петер Зебальд, его биограф, справедливо пишет, что современные африканисты Западной Европы и Америки его не знают. Но в Нигерии он до сих пор остался в памяти народа как Малам Муса, т. е. учитель Муса².

Надо быть благодарным Петеру Зебальду, посвятившему этому замечательному человеку большую и ценную работу. На основании архивных материалов Министерства иностранных дел, Колониального министерства, Государственной канцелярии, Министерства внутренних дел, архива Путткамера (одного из главных деятелей немецкой колониальной политики), актов Немецкого Колониального общества и многих архивных документов, хранящихся в Лейпциге, Цюрихе и других городах, Зебальд проследил жизненный путь Краузе. Ему удалось таким образом спасти от забвения историю жизни и деятельности этого ученого и друга народов Африки.

Готтлоб Адольф Краузе родился в 1850 г. в селении Окрилла близ Мейссена в крестьянской семье. Будучи восьмым ребенком, он не мог

¹ Статья написана в связи с недавно вышедшей книгой: P. Sebald, Malam Musa — Gottlob Adolf Krause 1850—1938, Forscher — Wissenschaftler — Humanist. Leben und Lebenswerk eines antikolonial gesinnten Afrika-Wissenschaftlers unter der Bedingungen des Kolonialismus («Studien zur Geschichte Asiens, Afrikas und Latein Amerikas», Bd 23), Berlin, 1972, 291 S. (Mit 1 Karte und 2 Faksimiles).

² Участь Краузе Зебальд сравнивает с судьбой Карла Мауха-старшего его современника (1837—1875), первооткрывателя Зимбабве. Сын скромного унтер-офицера, Маух в 1865—1872 гг. путешествовал по Южной Африке, открыл золотоносные районы древней Мономотапы, но, не получив никакого признания и поддержки в Германии, оказался в безвыходном положении и покончил с собой в возрасте 38 лет. Впрочем, по другим, по-видимому, довольно точным сведениям, причиной смерти Карла Мауха был несчастный случай. См.: H. O f f e, Carl Mauch. Leben und Werk des deutschen Afrikaforschers, Stuttgart, 1937.

наследовать отцовский дом и должен был искать себе работу. Сведений о первых годах его жизни мало. Известно, что он окончил школу в Лейпциге и в раннем возрасте проявил склонность к изучению языков: занимался греческим и латинским, а кроме того, самостоятельно изучал французский, английский и итальянский. Прежде всего знать язык — было правилом Краузе, которым он руководствовался всю свою жизнь. По-видимому, уже в ранние годы юношу манила судьба путешественника. В 18-летнем возрасте, еще учеником гимназии, он отправился странствовать по Австрии, Турции и Италии, оттуда уехал на Мальту, затем в Триполи, где в 1868 г. впервые вступил на Африканский материк. В Триполи он занялся изучением арабского языка и основного языка Центрального Судана — хауса. Ему посчастливилось принять участие в организованной голландкой Тинне экспедиции, которая окончилась трагически, так как вскоре Тинне была убита в Фецане. В 1869 г. в Мурзуке Краузе встретился с Г. Нахтигалем, впоследствии крупным колониальным деятелем и путешественником, и вместе с ним изучал язык канури. По возвращении в Германию Краузе поступил в Берлинский университет. Но занятия его были прерваны: началась франко-прусская война. Краузе вступил добровольцем в армию, где, между прочим, имел возможность изучить русский язык. На войне он был ранен, и, как отмечает его биограф Зебальд, пенсия дала ему постоянный, нередко единственный доход — 33 марки в месяц. В 1873—1876 гг. Краузе занимался в Лейпцигском университете естественными науками. В 1878 г. он вновь в Триполи, где проводит почти пять лет. Там Краузе изучал язык населения оазиса Гат — один из диалектов языка туарегов, записывал тексты на языках хауса, фульбе и мусгу или музук. В 1881 г. все эти материалы он переслал языковеду Г. Штейнталу, который передал их известному египтологу Р. Лепсиусу, занимавшемуся тогда африканскими языками. Лепсиус признавал, что записи Краузе имеют большое значение, а приславший их исследователь отличается исключительной лингвистической одаренностью. Надо сказать, что к этому времени Краузе свободно владел языками арабским и хауса.

Годы, проведенные Краузе в Триполи, — период усиленной подготовки колониального раздела Африки: 29 апреля 1878 г. в Берлине было создано Африканское общество, ставившее своей целью исследование этого тогда еще почти не обследованного континента. К тому времени Краузе был уже известен как путешественник и исследователь Африки, и было решено использовать его знания. Одним из организаторов Общества был Г. Нахтигаль. По его инициативе Краузе пригласили принять участие в экспедиции, которая должна была направиться в дельту Нигера и таким путем проникнуть во внутренние области Судана. Экспедиция эта известна в науке под названием «экспедиции Рибекка», богатого предпринимателя, давшего средства на ее организацию.

С экспедиции Рибекка и начались первые столкновения Краузе с колониальными деятелями тогдашней Германии. Одновременно с ним на побережье, в район будущей немецкой колонии Того, направился Нахтигаль, получивший специальные инструкции и фактически проводивший аннексию этой части материка, заключая договоры с вождями местных племен о протекторате Германии. Что касается Краузе, то он ничем не способствовал созданию будущей колонии, и его деятельность в экспедиции Рибекка ограничилась только тем, что в трудах ее он опубликовал свои работы по языкам фуль и гат. В результате Краузе был устранин, и его заподозрили в том, что он действует в интересах Англии.

Начиная с 1885 г. Краузе становится постоянным сотрудником «Новой Прусской крестовой газеты» («Кройц-Цайтунг») и работает там до 1901 г.

«Кройц-Цайтунг» — орган консервативных юнкерских (помещичьих) кругов — выступала в те годы против колониальных приобретений Германии только потому, что интересы юнкерства не всегда совпадали с политикой правительства.

В своих статьях Краузе разоблачал действия немецких колонизаторов. Отказ от участия в «патриотическом» движении за приобретение колоний поставил ученого в трудное положение. Он оказался почти без средств, официальные учреждения отказали ему в финансовой поддержке, и он вынужден был продавать собранные им хаусанские рукописи. Краузе, однако, не оставил своего намерения продолжать исследования глубинных районов Западной Африки и вскоре представил в Министерство иностранных дел Германии план исследования глубинных районов Невольничьего Берега и Того. Сохранившаяся в Архиве Министерства колоний его докладная записка содержит пометки чиновников. Замечания их дают ясное представление об отношении официальных лиц к Краузе: «Он отлично говорит на хауса», «Краузе стал настоящим негром», (*Jetzt ist Krause selbst gänzlich verniggert*). «Все это следует оставить без внимания» и т. п. Африканское общество дало такое же заключение: «Исследование этих областей важно, но мы не можем рекомендовать для этого г-на Г. А. Краузе».

Не получив никакой поддержки, Краузе решил отправиться в Африку на свои средства. 22 апреля 1886 г. он добрался до Аккры, имея при себе всего лишь 5 английских фунтов стерлингов, 11 шиллингов, 8 пенсов, что составляло по тому времени около 111 марок. Продав часть одежды, он довел свои сбережения до 126 марок, частично обменял их на серебряную монету и, накупив цветных платков, швейных иголок, бус, кремней и перочинных ножей, отправился в путь пешком. Выйдя из Аккры, он направился вверх по течению р. Вольты к Салага, затем в Угадугу, оттуда на север к Томбукту. Однако посетить этот город ему не удалось, так как местные правители запретили ему идти к северу. Дойдя до Дуэнцы, он повернул на Бандиагару, оттуда пошел в Угадугу, а затем обратно к берегу океана вдоль р. Черная Вольта. Посетив Кинтампо и Сокоде, Краузе через Атакпаме вернулся в Аккру в сентябре 1887 г. Всего он прошел пешком более 4,3 тыс. км, из них 3,3 тыс. км по неизвестным до того европейцам районам. В 1887 г. он вернулся в Лондон и, не имея никаких средств, чтобы доехать до Берлина, заложил свои часы. История с часами весьма характерна. Леопольд II, король Бельгии, один из организаторов раздела Африканского материка, узнав об этом, выкупил часы и переслал их Краузе. Этот поступок свидетельствует, по-видимому, о желании Леопольда II привлечь к себе Краузе, имевшего репутацию выдающегося путешественника и знатока Африки. Однако Краузе остался верен себе и не пошел на службу к колониалистам.

По возвращении в Германию он принял приглашение одной торговой фирмы в Того, уехал туда и прожил в Салага более 16 лет, оставаясь постоянным сотрудником «Кройц-Цайтунг». Взгляды Краузе, однако, не совпадали с позицией руководителей газеты, которые в отличие от него не были принципиальными противниками колониальной политики. Поэтому положение Краузе как постоянного сотрудника газеты было незавидным. Статьи его подвергались переделке: многие места из них выбрасывали, другие искажали, а порой его корреспонденции и вовсе не печатали. Тем не менее участие Краузе в газете сделало его имя известным в широких кругах читателей. Несовпадение позиций ученого с основным политическим направлением газеты привело к полному разрыву в 1898 г., когда он выступил с разоблачениями по поводу торговли рабами в Того, что вызвало запросы в Рейхстаге. Краузе начинает печататься в изданиях более левого направления, в частности в «Берлинер Тагеблатт».

Постоянные обличения деятельности колонизаторов обострили его отношения с официальными кругами до такой степени, что в 1900 г. было решено возбудить против Краузе судебный процесс, но по различным причинам он не состоялся. Все эти волнения повлияли на его здоровье и в 1905 г. Краузе, почти ослепший, возвратился в Европу, где в 1906 г. находился на излечении в Марселе.

В 1907 г. он решил вновь отправиться в ту страну, с которой началось его первое знакомство с Африкой, т. е. в Триполи. Там он мирно прожил до 1911 г., когда ему пришлось вернуться к активной политической жизни и вновь стать деятельным корреспондентом немецких газет. 25 сентября 1911 г. в «Берлинер Тагеблатт» появилась его первая статья, за которой последовали другие. В них Краузе сообщал о высадке в Триполи итальянских войск и о начале итало-турецкой войны. События в Триполи освещались в европейской прессе обычно только со слов итальянских корреспондентов, изображавших действия Италии как борьбу против турецкого варварства. Краузе же писал о варварских бомбардировках и о расстрелах мирного населения. Корреспонденции Краузе обратили на себя внимание и стали известны в Италии. Печать этой страны обрушилась на него с обвинениями в сообщении ложных известий и фантастических измышлений. Дом, где жил Краузе в Триполи, в его отсутствие был разграблен, его научные материалы были уничтожены, рукописные карточки словарей многих африканских языков и рукописи, собранные Краузе, исчезли. Местная администрация официально предупредила его, что он либо должен писать о событиях в благоприятном для итальянцев духе, либо молчать.

Краузе принужден был уехать в Европу, откуда он рассчитывал перебраться в Западную Африку. Однако летом 1914 г. началась первая мировая война, и Краузе, находившийся тогда в Марселе, был интернирован как немецкий подданный, а затем выслан в Швейцарию. По окончании войны немецкие власти предлагали ему занять официальную должность в Гамбургском колониальном институте, но Краузе, принципиальный противник колониализма, отклонил это предложение, остался в Швейцарии и, устранившись от всех дел, прожил в Цюрихе в тиши и неизвестности более 20 лет. Умер он в 1938 г.

Большой интерес представляют те главы книги Зебальда, в которых говорится о результатах научных исследований Краузе³. Зебальд пишет, что он был как бы вычеркнут из жизни и забыт не только официальными кругами Германии, но и официальной наукой. Ссылаясь на издание популярных лекций, прочитанных в Гамбурге главой немецкой африканистики Карлом Мейнхофом, он отмечает, что Краузе в них не упомянут. Зебальд считает, что объяснить это умолчание можно не только политическими расхождениями, но и причинами научного характера. Это, несомненно, так, и можно доказать справедливость предположения Зебальда.

Как известно, Мейнхоф — крупный ученый-лингвист, создатель сравнительной грамматики языков банту — возглавлял в начале нашего века немецкую африканистику, бывшую тогда мировым центром изучения африканских языков. Он полностью разделял политические взгляды создателей колониальной империи и не был чужд расистских предрассудков многих из своих современников. В научных исследованиях и популярных статьях, рассчитанных на широкую публику, Мейнхоф доказывал, что все достижения культуры народов Африки были созданы чужеземными завоевателями — хамитами. Яснее всего эта, в основе своей ложная, а ныне давно отброшенная теория была

³ Они составили основу дипломной работы Ирмтрауд Хермс «Лингвистические взгляды Готтлоба Адольфа Краузе» (Лейпциг, 1967). Работа эта, по-видимому, неизданная, нам недоступна. Вероятно, ее содержание соответствует тому, что изложено в работе Зебальда.

изложена Фр. Штульманом⁴. Вся история культуры народов Африки, в его понимании, сводится к тому, что на протяжении тысячелетий Африку заселяли различные волны пришельцев из Азии, приносивших с собой аборигенам — нигритам — все элементы культуры: культурные растения, домашний скот, зачатки государственности и т. п. Эти же взгляды Мейнхоф развивал и в своих лингвистических трудах. Основные положения Мейнхофа сводились к тому, что он считал наиболее примитивными по культуре из всего населения Африки народы Судана, говорившие на языках изолирующего типа. Хамиты — народы северной части Африки с их флективными языками — признавались высшими народами, носителями культуры, а из смешения тех и других образовались, по мнению Мейнхофа, народы банту, создался особый языковый тип банту — агглютинативный по своей типологии, а по своему грамматическому строю отличающийся наличием классов имен существительных.

Однако типичные хамитские языки, как берберские и кушитские языки Северной Африки, имели деление всех имен существительных на грамматические роды, а не на классы. Вот почему в основе всей теории Мейнхофа о происхождении языков банту огромное значение имел язык народа фульбе, светлокочих скотоводов Западного Судана. Язык этого народа, доказывал Мейнхоф, был ключом к пониманию особенностей языков банту. В языке фуль — прахамитском, по определению Мейнхофа, — имена существительные составляют группы классов, каждый из которых характеризуется изменениями начальных звуков в единственном и во множественном числах. Так например, *golloo* — рабочий, *wollob'e* — рабочие; земледелец — *demoo*, мн. ч. *gemob'e*; певец — *djimo*, мн. ч. *yimob'e*; живот — *redu*, мн. ч. *de'di* и т. д.⁵ Эта особенность, выделявшая язык фуль из всех окружающих его языков, а также то, что фульбе резко выделялись среди окружающих их народов негроидной расы своим европеоидным типом лица и светлым цветом кожи и к тому же были единственным народом, занимавшимся скотоводством среди земледельцев Западного Судана, привлекали к себе внимание. Нет ничего удивительного в том, что Мейнхоф видел в нем праязык хамитов-скотоводов.

И вот Краузе, возможно, лично несимпатичный Мейнхофу по чисто политическим причинам, в своих работах доказывает, что язык фуль близок языку серер — языку негров Сенегала, т. е. языкам нигритов. В другой своей работе Краузе показывает, что изменения звуков в начале слова встречаются не только в языке фуль, но и в языке фада, или афада, — негритянского народа тогдашней Португальской Гвинеи — биафада⁶. Это подрывало основы теории Мейнхофа и его классификации африканских языков.

Изучая языки народов Западного Судана — дагбамба и бинумба, Краузе показал, что многие из суданских языков имеют подобно языкам банту префиксы и суффиксы. Это также нарушало все представления Мейнхофа о примитивности языков Судана. Неудивительно поэтому, что в работах Мейнхофа эти работы Краузе не упоминаются.

Зебальд пишет, что официальная немецкая африканистика замалчивала имя и работы Краузе. До известной степени это верно. Но в книге Мейнхофа о языках мы находим ссылки на две работы Краузе 1884 г. — о языке фуль и языке населения оазиса Гат, о также на исследование о языке музук, хотя последнее приписано австрийскому линг

⁴ Fr. Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, Hamburg, 1910.

⁵ Примеры взяты из работы: D. Westermann, *Handbuch der Ful-Sprache*, Berlin, 1909, S. 201—203.

⁶ G. A. Krause, *Die Fada Sprache am Geba Flusse*, «Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen», 1895, I Jahrg., S. 363—372.

висту Фр. Мюллеру, издавшему его. Лишь в позднейших работах Д. Вестерманна о языках Западного Судана постоянно встречаются ссылки на лингвистические труды Краузе.

В науке известны только четыре отдельно изданные работы Краузе — в Известиях экспедиции Рибекса — о языках фуль и гат, работа, изданная Мюллером, о языке музук и исследование климата Того и Золотого Берега, изданное П. Штаудингером в 1910 г., а также статьи, опубликованные в специальных периодических изданиях — «Журнале африканских и океанских языков», журнале «Глобус» и в некоторых других географических изданиях. Большая же часть его трудов была полностью забыта даже в самой Германии.

В 1928 г. дирекция Прусской государственной библиотеки опубликовала часть рукописного собрания Краузе, хранившегося там. В предисловии к этой публикации известный лингвист М. Хеппе писал, что рукописи содержат материал для многих докторских диссертаций, а издание факсимиле рукописей даст возможность специалистам, желающим заняться переводом, сделать это без утомительного их переписывания. Таким образом, уже в 1928 г. в Германии никто не помнил, что переводы многих из этих рукописей были опубликованы самим Краузе в «Кройц-Цайтунг»⁷. Теперь благодаря кропотливой работе Зельяда мы имеем полный список всех статей Краузе.

Рукописи, факсимиле которых опубликовала Прусская библиотека, были предметом занятий (руководимого автором этих строк) семинара по языку хауса на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Тексты были переведены на русский язык и изданы в 1960 и 1963 гг.⁸ Так как в научной литературе нигде не упоминались статьи Краузе, опубликованные в «Кройц-Цайтунг»; то, вероятно, многие переводы рукописей хауса сделаны были заново.

В работе Зельяда (стр. 202, сл.) приводятся сведения о неизданных лингвистических исследованиях Краузе. В одной из статей, помещенных в «Кройц-Цайтунг» 23 января 1895 г., Краузе пишет о результатах своих исследований следующих языков Западной Африки:

1. *Чи-шингини* (язык народа а-шингини) распространен в пределах Центральной Нигерии к востоку от р. Нигер, севернее Нупе. По мнению Краузе, этот язык самый северный из языков банту.

2. *Дагбан-не* (язык народа дагбамба) распространен в излучине течения Нигера в северных районах Золотого Берега (ныне Гана). Язык этот относится к числу языков гур.

3. *Хауса*. По мнению Краузе, язык хауса возник из двух языков банту, объединенных одним хамитским языком. Эти три языка и создали современную форму языка хауса. Краузе отмечает, что им установлено существование в языке хауса взаимной глагольной формы, характерной для языков банту.

4. *Ми-нумма* (язык народа би-нумба) — один из языков группы гур в пределах республики Верхняя Вольта. Его особенность заключается в том, что в этом языке существуют особые «близнечные аффиксы», т. е. один и тот же аффикс употребляется одновременно как префикс и как суффикс. В этой системе Краузе видел связующее звено между префиксными и суффиксными языками. На основании этого он считал бесполезным делить языки на группы по этим типологическим при-

⁷ Это было еще при жизни Краузе, который скончался лишь 10 лет спустя — 19 февраля 1938 г.

⁸ Д. А. Ольдерогге, Западный Судан в XVI—XIX веках «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LIII, М.—Л., 1960. Там опубликованы тексты исторического содержания. Переводы сделаны участниками семинара. Позднее изданы были другие тексты собрания Краузе. См. «Сказки хауса» в переводе И. Н. Быковой и М. А. Смирновой с кратким введением Д. Ольдерогге, «Африканский этнографический сборник V», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXVI, М.—Л., 1963, стр. 258—284.

знакам: *ми-нумма* оказывается в родстве как с теми, так и с другими. Краузе назвал эти группы языков бантоидными.

К сожалению, почти все эти материалы остались неопубликованными⁹.

Таким образом, мы видим, что в своих работах Краузе исследовал прежде всего языки народов Западного Судана и обнаружил существование среди них языков, имеющих системы префиксов, суффиксов и аффиксов, названных им «близнечными аффиксами» (*Zwillings-affixe*)¹⁰. В ходе этих исследований он обнаружил изменения начальных звуков в начальном слоге, что было показано им на примере языка афада. Все эти наблюдения шли вразрез со взглядами официальной немецкой африканистики, согласно которой языки народов Судана относились к языкам изолирующего типа. Это мнение было высказано Мейнхофом на основании исследований языков группы акан и эве. Распространенные на Гвинейском побережье Того и в английской колонии Золотой Берег, эти языки были изучены сначала Ф. Г. Кристаллером, а затем Д. Вестерманном. Языки эти представляют собой классический пример языков аморфного, или изолирующего, типа. Вероятно, под влиянием теории Мейнхофа о трехчленном делении всех языков Африки (на языки хамитов, суданцев-нигритов и банту) Вестерманн, хорошо изучивший эве, дал общий очерк структуры языков всего Судана, пытаясь восстановить общесуданский праязык¹¹.

Исследование Д. Вестерманна тем самым дополняло работы Мейнхофа о праязыке банту и о праязыке хамитов, так что в целом получалась стройная система.

Однако все исследования Краузе шли вразрез с этим до чрезвычайности упрощенным пониманием истории народов африканского материка. Состав суданских языков оказывался гораздо более сложным, а этого не желал признавать Мейнхоф. Иначе поступил Д. Вестерманн, который в ходе дальнейших исследований вынужден был, что делает ему честь, полностью отказаться от ошибочной попытки реконструировать суданский праязык. В 1927 г. он дал новую классификацию западносуданских языков, указав на их связь с банту¹².

Эта работа по духу своему соответствует основному направлению исследований Краузе, и вряд ли будет преувеличением сказать, что основные положения ее навеяны его идеями.

Во-первых, в книге Вестерманна отмечается многообразие языковых групп в пределах Западного Судана. Некоторые из этих групп, а именно ква и гур, названы именами, предложенными в свое время Краузе. Это видно из слов самого Вестерманна: «Термин „языки ква“ был впервые использован Г. А. Краузе в 1885 г. и введен в употребление Кристаллером. Термин этот произведен от слова „народы“ во многих из этих языков, которые содержит корень — „ква“»¹³ и далее: «Термин „языки гур“ был принят Кристаллером по предложению Г. А. Краузе. Он произведен от названий *гурма*, *гурунси* и т. д., часто встречающихся у говорящих на этих языках»¹⁴.

Во-вторых, языки народов Западного Судана были поставлены им в связь с языками банту. Об этом писал еще в 1895 г. Краузе, признавая

⁹ Некоторые сведения о языке *чи-шингини* содержатся в статье: G. A. Krause, Beiträge zum Märchenschatz der Afrikaner, «Globus», Bd 72. Ссылка на нее дается в справочнике: D. Westermann, M. A. Bryan, The languages of West Africa, in: «Handbook of African languages», pt. II, London, 1952, 195, 104. В справочнике сказано, что, кроме сообщений Краузе, никаких сведений о языке шингини до сих пор нет.

¹⁰ Более удачным я считаю термин «конфиксы», предложенный Н. В. Юшмановым.

¹¹ D. Westermann, Die Sudansprachen, Hamburg, 1912.

¹² D. Westermann, Die Westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu, Berlin, 1927.

¹³ D. Westermann and M. A. Bryan, Указ. раб., стр. 76.

¹⁴ Там же, стр. 55.

язык темне настоящим языком банту и отмечая существование других подобных ему языков этой группы в пределах Нигерии¹⁵.

В-третьих, Вестерманн, во многих своих поздних работах пользуется термином «бантоидный», который был также впервые введен в науку Краузе для обозначения языков, имеющих сходные с языками банту черты структуры и лексики.

К сожалению, архив Г. А. Краузе не найден. Значительная часть записей пострадала или была уничтожена во время разгрома его дома в Триполи в 1911 г. Поэтому мы не можем судить, в какой степени основательны были доказательства Краузе о происхождении языка хауса, как и его предположение о единстве большинства африканских, хамитских, семитских и арийских (афро-семарийских) языков. Однако и то, что известно нам, показывает, как значителен вклад Краузе в изучение языков Африки.

Несмотря на тяжелые обстоятельства, ему удалось сохранить самостоятельность суждений, и история его жизни — это история одиночки, противопоставившего себя и свои убеждения всему аппарату государства и официальной науке.

Современники, знавшие его, отмечали его удивительную способность к изучению языков. Стоит привести отзыв П. Штаудингера, известного своими путешествиями по странам хауса в начале XX в. Он издавал последнюю из больших работ Краузе, в которой тот изложил результаты многолетних своих наблюдений над климатом Того и Золотого Берега.

«Главные интересы Краузе, — писал Штаудингер, — в области лингвистики. Он лучший знаток языка хауса, которым владеет так замечательно, что, по словам Р. Притце, письмо его вызвало в большой мечети Каира, среди находившихся там хаусанцев, изумление и восхищение. Они удивлялись, как белый смог до такой степени глубоко проникнуть в их мышление и понять их чувства. Он известен среди них под именем Малам Муса. К сожалению, из-за недостатка средств и вследствие неблагоприятных условий он опубликовал мало работ и большие лингвистические сокровища лежат у него под спудом. В течение многих лет он надеется опубликовать свое открытие, доказав родство и связь африканских языков с другими языками (семитскими и индоевропейскими), но состояние его здоровья и другие обстоятельства мешают ему до сих пор издать свои исследования, так же как и собранные им большие материалы по хауса, фуль, чи-шингини и другим языкам. Будем надеяться, что это еще будет сделано»¹⁶.

Увы, этого сделать Краузе не удалось. Быть может, когда-нибудь его работы будут обнаружены. Несомненно одно: его взгляды на классификацию африканских языков оказались гораздо ближе к истине, чем внешне логичные и, казалось бы, убедительные теории официальной немецкой африканистики начала XX в.

GOTTLÖB KRAUSE — THE OUTSTANDING GERMAN SPECIALIST IN AFRICA STUDIES (1850—1938)

In his article, based mainly on a recently published book by P. Sebald, the author recounts the life and activity of Gottlob Adolf Krause, the progressive German specialist in African studies, whose works and even whose name had been undeservedly forgotten.

¹⁵ G. A. Krause, Die Stellung des Temne innerhalb der Bantu-Sprachen, «Zeitschrift für afrikanische und ozeanische Sprachen», Bd I, 1895, S. 250—567. Работы Краузе в этом направлении продолжает австрийский лингвист Г. Мукаровский. См.: Н. Г. Мукаровский, Temne und Protobantu, «Archiv für Völkerkunde», Bd XVI, 1961, S. 55—93; его же. Kisi und Bantu, Там же, Bd XIII, 1958, S. 132—173.

¹⁶ G. A. Krause, Beitrag zur Kenntnis des Klimas von Salaga Togo und des Goldküste, Halle, 1910, S. VIII (предисловие Штаудингера). Р. Притце — известный африканист, издававший тексты на языках хауса и канури; племянник Г. Нахтигалья